

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.17>

Саймиддинов Алишер Кахрамонович

ПРОМЕТЕАНИЗМ И ФИЛОСОФИЯ АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВА

В данной статье предпринимается попытка прояснения прометеанистского вектора в творчестве русского революционера Александра Богданова. Автор избирает метод фрагментированного чтения, предложенный Квентином Мейясу в отношении текстов Жюль Делёза, и метод фабуляции, апробированный Стивеном Шавиро на философии Уайтхеда. В результате проведённой работы были установлены основные пересечения между философскими положениями прометеанизма и идеями Александра Богданова, проясняющими природу человеческой практики. Тем самым в текстах Богданова было выявлено онтологическое совпадение между данностью и преобразованием, отмечено эпистемологическое совпадение трансцендентального и эмпирического, прояснено политическое совпадение локального и универсального, а также артикулирован принципиальный отказ от субстанционализма в отношении осмысления человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/9/17.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 85-89. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)

Дата поступления рукописи: 09.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.17>

В данной статье предпринимается попытка прояснения прометеанистского вектора в творчестве русского революционера Александра Богданова. Автор избирает метод фрагментированного чтения, предложенный Квентином Мейясу в отношении текстов Жюль Делёза, и метод фабуляции, апробированный Стивеном Шавиро на философии Уайтхеда. В результате проведённой работы были установлены основные пересечения между философскими положениями прометеанизма и идеями Александра Богданова, проясняющими природу человеческой практики. Тем самым в текстах Богданова было выявлено онтологическое совпадение между данностью и преобразованием, отмечено эпистемологическое совпадение трансцендентального и эмпирического, прояснено политическое совпадение локального и универсального, а также артикулирован принципиальный отказ от субстанционализма в отношении осмысления человека.

Ключевые слова и фразы: Маркс; прометеанизм; тектология; опыт; универсализм; природа; знание.

Саймидинов Алишер Кахрамонович

*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
AlexSaimid@gmail.com*

ПРОМЕТЕАНИЗМ И ФИЛОСОФИЯ АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВА

На сегодняшний день всё с большей настойчивостью поднимается вопрос о политическом планировании будущего. Почвой для подобного вопроса послужили кризисы эпохи антропоцена, явленные в виде климатических катастроф, технологической автоматизации и модификации человеческой биологии. Монополию на оценку кризисной ситуации и реконструкцию нашего отношения к будущему приобрёл прометеанизм. При всей своей навязчивой своевременности прометеанизм всё же не предпринимает попыток оценить себя в контексте истории философии (и воспользоваться её ресурсами), поэтому преподносится его теоретиками исключительно в качестве уникального прецедента в западной мысли. Но, хоть и вне прямого наследования, мы всё же можем обнаружить прототипы прометеанистской мысли, оставшиеся в разрозненных текстах теоретиков прошлого. Так, местом «сборки» одного из таких прототипов стали теоретические изыскания русского революционера Александра Богданова, послужившие в своё время реакцией на ожидания коренных изменений в социальной структуре. Поэтому прояснение наследия Александра Богданова может способствовать расширению спекулятивного поля прометеанизма, интерес к которому всё больше растёт в публичном пространстве. Этим обусловлена **актуальность** настоящей работы.

Цель нашего исследования заключается в попытке установления концептуальных пересечений между базовыми положениями современного прометеанизма и идеями Александра Богданова. Достижению цели способствует решение следующих **задач**: 1) поиск методологических подходов к прочтению текстов Богданова; 2) изложение основных положений и установок прометеанизма; 3) экспликация содержания ключевых для философии Богданова понятий «человек» и «опыт»; 4) прояснение «сознательно-планомерной» точки зрения, являющейся камнем преткновения изысканий Богданова.

Так, руководствуясь методологическими особенностями философии Богданова, мы способны прояснить её прометеанистское основание, чем и обусловлена **научная новизна** исследования.

В последнее время идёт активное изучение творчества русского революционера Александра Богданова. Основными вехами его творчества являются разработка идей эмпириомонизма, острая полемика с Лениным по поводу объективности, а также написание всеобщей организационной науки («тектологии»). Богданов смог органично синтезировать марксистские идеи, позитивизм в форме эмпириокритицизма и свои познания в области естественных наук. Осмысление же его наследия, как правило, обуславливается либо необходимостью историко-философского прояснения развития отечественной мысли, либо нынешней политической повесткой (кризисами эпохи антропоцена), побуждающей обращаться современных теоретиков к маргинальным ответвлениям марксистской философии. Так, можно отметить вскользь работу Маккензи Ворка, пересматривающего идеи Богданова сквозь призму глобальных экологических угроз [15].

В свою очередь, мы попытаемся создать своего рода резонанс богдановских идей с современным проектом прометеанизма (термин отсылает к фигуре Прометея, выступающего метафорой технического прогресса), отличающимся радикально универсалистскими и конструктивистскими амбициями. Подобно тому, как Стивен Шавиро прочитывает Уайтхеда в качестве важнейшей для постмодернистской эпохи и современной спекулятивной философии фигуры [9], так и мы задаёмся вопросом о том, какие следствия можно получить, если рассматривать Александра Богданова в качестве философа-прометеаниста. Мы не будем охватывать его теоретические изыскания во всей целостности, но сосредоточимся скорей на отдельных фрагментах его работ. Такой продуктивный подход осмысления историко-философского наследия предложил ещё Квентин Мейясу, призывавший читать различные философские тексты таким же образом, как мы читаем досократиков (то есть фрагментарно) [6].

Для начала необходимо оговориться по поводу того, что вычитывание из текстов Богданова основных марксистских или позитивистских посылов нас здесь должно мало волновать, как и разбор современного

прометеизма в лице его разных представителей. Но если пытаться как-то очертить концептуальное основание прометеизма, то следует, по крайней мере, отметить наличие (а) онтологического совпадения между данностью и преобразованием; (б) эпистемологического совпадения трансцендентального и эмпирического горизонтов; (в) подозрения к различным типам гуманизма; (г) этико-политического совпадения локального и универсального. Созвучие этим положениям мы настоятельно и будем искать в текстах Богданова, удерживая при этом уникальность его методологических оснований. Здесь как минимум следует остановиться на некоторых фрагментах из его всеобщей организационной науки и статей по эмпириомонизму, а также на работе «Новый мир», отличающейся своей программной направленностью.

Для современного прометеизма предметом осмысления является человеческая практика и её возможности. Магистральной линией здесь становится идея о преодолении «конечности», то есть всевозможных пределов, человеческого в познании и изменении мира [10]. Подобное навязчивое воспроизведение ключевого марксистского тезиса было присуще и Богданову. Самым интересным здесь является то, что, вторя данному тезису, Богданов шагнул далеко за пределы самой марксистской теории и практики. Так, он пишет, что Маркс произвёл революцию в социальных науках, предложив свой формационный подход, но развитие социальных структур всё ещё требовало своего естественно-научного (а позднее и «всеорганизационного») объяснения. В итоге Богданов строит свою концепцию исторического монизма, являющуюся прояснением социальной динамики на стыке с преобразуемой в производстве природой [4], полагая формирование как идеологий (состояний общественного сознания), так и социально-экономических структур, исходя непосредственно из технического развития общества. Преобразование природы Богданов же мыслит в качестве организации опыта (ключевое понятие для его философии).

В своих работах по эмпириомонизму он подвергает критике теории познания, исходящие из дуализма психика – физиология (или сознание – тело), объявляя основанием деятельности опыт, индифферентный по отношению к любым исторически сложившимся субъективным формам мышления и действия. Эмпириомонизм в какой-то степени уже представлял собой критический жест в сторону гносеологии (транслирующей смещение трансцендентального горизонта по отношению к опыту), но ещё не был доведенным до полного отрицания. Поэтому сам Богданов этот период творчества расценивал как переходный. Но уже в первом томе своей организационной науки Богданов будет писать: «Верно то, что существуют определенные формы мышления, в которые люди стараются укладывать свой опыт; но это вовсе не какое-то извечное “строение познавательной способности”, а просто способы организации опыта; они развиваются и изменяются с ростом самого опыта и сменой его содержания» [2, с. 101].

Что здесь необходимо отметить, так это невозможность выведения из его концепции опыта не только определения того, чем является конечный субъект познания (этим занималась трансцендентальная философия от Канта до феноменологии), но и того, что представляет собой человек. В работе «Новый мир» Богданов пишет, что человеку зачастую даются либо отвлечённые метафизические (человек есть разум, свобода, стремление к Абсолюту и т.п.), либо научно-специализированные определения. Таким образом, мы не можем помыслить человека каким-то цельным образом, даже если объединим все наши знания: «“Человек” есть целый мир опыта. Этот мир не охватывается полностью ни анатомическим и физиологическим комплексом – “человеческое тело”, ни психическим комплексом – “сознание”, ни социальным – “сотрудничество”... И если мы просто соединим, механически свяжем все эти точки зрения, у нас еще не получится целостной концепции: собрание частей еще не есть целое» [1, с. 29].

При этом Богданов тут же добавляет, что лишь в производстве или, другими словами, в области организации опыта человек может мыслиться как «мир развертывающийся, не ограниченный никакими безусловными пределами» [Там же, с. 30]. Человеческое в этом смысле не определяется через нечто данное, но кристаллизуется в процессе преобразования природы.

В своих работах Богданов часто настаивает на том, что область производства (или организации опыта) соотносима с природой. Так, обличая буржуазную науку в отвлечённости от практики, он полагал, что любое знание представляет собой организационный протез, а не просто отвлечённое отражение реальности как налично данного. Любое познание стоит на страже преобразования мира. В своё время такого подхода не мог принять Ленин, упрекавший эмпириомонизм в идеализме. Ленин предлагал свою теорию отражения, рассматривая сознание в качестве резервуара копий природного мира [5]. Знание и практика у Ленина, как можно убедиться, полагались раздельным образом, то есть они не могли находиться в совпадении друг с другом. Так, преобразование природы необходимо следовало лишь за её признанием в качестве данного. Этот зазор преодолевается в монизме Богданова, не признавшего критику Ленина в свой адрес.

Человек представляет собой беспредельно развёртывающийся мир опыта, в котором любое заданное знание о природе человеческого вне её преобразования становится фетишем. Богданов, естественно, много внимания уделяет в своих работах исторической детерминированности человеческой практики, но, вторя Марксу, он полагает горизонтом практики преодоление всяких установленных пределов в природе. Таким образом, отсутствие различия на данное и преобразуемое является фундаментальным следствием положения Богданова, что сближает его с главным «грехом» прометеизма [10].

Ключевым моментом в его теории является идея социально-трудового мировоззрения, которым Богданов всегда грезил. Суть её заключалась в том, что человек способен разделять универсально-трудовую точку зрения на мир. Значимым подспорьем для такой идеи стала разработка им всеобщей организационной науки, главным пассажем которой стал тезис о том, что всё в мире каким-то способом организуется или

производится – от неорганической природы до феноменов социальной жизни: «...исходя из фактов опыта и из идей современной науки, мы неизбежно приходим к единственно целостному, единственно монистическому пониманию вселенной. Она выступает перед нами как беспредельно развертывающаяся ткань форм разных типов и ступеней организованности – от неизвестных нам элементов эфира до человеческих коллективов и звездных систем» [2, с. 73].

В тектологии он формулирует универсальные способы организации различных систем, которые нам нет необходимости здесь рассматривать. Главное, что нужно отметить, так это основную предпосылку, которая побудила Богданова к осмыслению данных способов. Эта же предпосылка становится, если можно так выразиться, негласным отрицанием гносеологии (эпистемологии) как локального (или «специализированного») способа мысли. Богданов начинает обосновывать значение монистического понимания с положений о единстве организационных методов и соответствии организационного опыта природе. Мы, как он полагает, можем отметить параллели в организации между совершенно различными природными системами: между планетарной системой и обществом, системой размножения у некоторых растений и млекопитающих, между разделением труда у насекомых и людей, техникой и физиологией. В таком понимании мы неизбежно, по мнению Богданову, преодолеваем различные непреходимые границы в природе, что особенно касается разделений между действиями и тем, на что они направлены [12]. Так, он напоминает, что некоторые разновидности сущего, считавшиеся ранее простейшими, обладают крайне тонкой самоорганизующейся структурой, как в случае с кристаллами [2, с. 72].

Конечно, по поводу монистического понимания Вселенной Богданов оговаривается, что человек на протяжении всей истории собственного становления всегда располагал какой-либо космологической картиной мира: «История показывает, что в развитии человечества, по мере того как изменялись его социальная природа, организация его собственной практики и мышления, изменялась для него также организация вселенной в ее целом и отдельных ее комплексов» [Там же, с. 126].

Здесь же он замечает, что если во времена «раннего патриархального быта» человек во всех вещах видел душу как принцип организованности внешнего мира, то с приходом Нового времени (и становлением картезианской мысли в частности) человек перестал видеть в явлениях жизни какую-либо организованность, сосредоточив её исключительно в психике. Богданов отмечает, что современная ему наука отвоёвывает организационный взгляд на природу, артикуляция которого становится для него важнейшей задачей.

Говоря об универсальности способов или методов организации, Богданов тем самым полагает единство человеческой жизнедеятельности и природы. Отныне, следуя мысли Богданова, мы не можем закреплять за каким-либо родом сущего монополию на организацию (отказываясь от мифа картезианства). Данный модус мысли об организационном единстве человеческого и природного, как полагает Богданов, остаётся загадочным для гносеологии (эпистемологии), для которой «понять его желательно именно таким образом, чтобы как можно более смягчить его, ослабить его значение, найти, что мнимое, или кажущееся, или субъективное, или искусственное, что оно вовсе не коренится в самой природе вещей, в действительном бытии» [Там же, с. 100].

При этом Богданов оговаривается, что человек располагает условными «формами мышления», но которые, в свою очередь, не могут рассматриваться в качестве оправдания какому-либо «извечному строению познавательной способности» [Там же, с. 101]. Такие формы мышления и действия представляют собой сугубо исторически сложившийся способ организации природы. Сам же человек является одним из «организованных произведений» природы [Там же, с. 71].

Таким образом, в отношении Богданова необходимо настойчивее говорить о его постулировании организационного совпадения природы и человеческого опыта, которое является сугубо объективным: «В технике мы нашли организацию вещей для человеческих целей; теперь мы ее находим в природе вне человеческих целей. Вся природа в свою очередь оказывается полем организационного опыта» [Там же, с. 73].

Этого пытаются не замечать многие комментаторы, которые либо настаивают на смысловой неопределённости понятия опыта [7], либо рассматривают последний в качестве «внутреннего» [11], что оставляет мысль Богданова уязвимой к старым обвинениям в субъективном идеализме. Естественно, что эмпириомонизм оставляет ряд тезисов, которые могут быть расценены в превратном ключе, но в тектологии он предельным образом избегает всякой двусмысленности. Человек производит конечные формы субъективности исключительно на основании своего опыта, содержанием которого выступает организуемая природа.

Богданов полагал, что серьёзным препятствием для человеческого познания и действия является антропоморфизм, суть которого заключается в экстраполяции человеческих переживаний на природные процессы, и натурализм, ограничивающийся сферой голых фактов опыта и их непосредственной связью. При этом он не отказывается от важного механизма, скрытого за антропоморфизмом. Данный механизм он именуется «подстановкой» [4], что сильно напоминает метод моделирования, основополагающий для науки-техники. Освобождение «подстановки» от форм антропоморфизма предполагает для него отход от «собственного типа организации переживаний» [Там же, с. 144]. Иными словами, человек открывает внешние ему типы организации вещей и процессов, не укладывающиеся в систему антропоморфных аналогий. Но самым важным здесь является то, что антропоморфизм уличается Богдановым в сведении природы к конченому основанию, «последней причине», следствием чего неизбежно становится телеологическая картина мира: «...цепь обязательно оканчивалась на “последней причине” – свободной душе, или высшем творческом духе, или на активной из себя “силе” и т.п.» [Там же, с. 151].

При всём единстве организационных методов природы, которые человек познаёт, необходимо помнить, что оно не может рассматриваться в качестве конечного основания, то есть чего-то безусловно данного.

«Самое глубокое различие, какое известно нам в природе, – это различие между стихийностью и сознательностью, между слепым действием сил природы и планомерными усилиями людей. Здесь надо ожидать наибольшей разнородности методов, наибольшей их несводимости к единству» [2, с. 74].

Это различие необходимо держать во внимании при осмыслении всеобщего принципа организации. Таким образом, у Богданова утверждается как общность или единство методов организации в природе (произведением которой является и человек), так и фундаментальное различие стихийности и планомерности организации. Этот момент удержания различия и единства не проясняется специально в текстах Богданова, а представляет собой скорей нечто самоочевидное. Но стоит отметить, что для такой самоочевидности есть весомые основания.

Единство организационных методов, хоть и может рассматриваться в качестве естественно данной закономерности, всё же подвергается овеществлению в практике. То есть знание об универсальных или единых методах организации природы сопутствует «планомерным усилиям человека». Здесь Богданов уместно напоминает о несводимости организации практики к порядку подчинения универсальным закономерностям природы на манер социальной власти: «...подчинение фактов известным закономерностям и повиновение людей власти – вещи не одного порядка» [Там же, с. 82].

Таким образом, единство способов или методов организации природы не может рассматриваться в качестве конечного основания, так как это противоречило бы критике антропоморфизма (и пересекающегося с ним натурализма). Иными словами, фундаментальным условием мысли и действия становится отказ от расценивания стихийного единства организационных методов как того, что не может быть подвергнуто овеществлению и конструктивному пользованию. Такому овеществляющему знанию Фуко в своё время выделил пограничное положение между прояснением и преодолением [8]. Иными словами, знание заведомо предполагает в своей структуре дистанцию, отделяющую стихийность строения природных систем от планомерной сознательной инстанции. Перспектива сознательно-планомерной организации ответственна за отстранение от стихийности природного единства, в том числе и от конечных субъективных форм мышления, являющихся историческим продуктом организации человеческого опыта, но при условии, что подобное отстранение подразумевает непрестанное овеществление пределов человеческого влияния на мир.

В этом смысле не случайно для Богданова немалое значение имели экспериментальная медицина и биология, чьи методы послужили широкому спектру спекуляций в отношении природы революции. Николай Кременцов справедливо замечает, что Богданов был одним из первых, кто осмыслил возможные последствия взаимодействия между социальной революцией и биологической эволюцией [13, р. 10]. Так, во втором томе своей науки Богданов продумывает тектологическую возможность борьбы со старостью [3, с. 78]. Он упрекает медицину в том, что её подходы предлагают лишь частичные решения в отношении проблемы старения, поэтому перед научной практикой встаёт вопрос о пересмотре предельных условий существования человека, что, как полагает Богданов, ведёт к выходу за границы отдельного организма: «...на каком пути искать решения? На том, на котором его ищет и находит наша великая наставница в тектологии – природа. Она, когда ей приходится решать задачи подобного типа, расширяет круг данных: не ограничивается одной особью, а берёт две или даже больше» [Там же, с. 81].

В результате Богданов предложил собственный метод омоложения, основанный на коллективном переливании крови. Сознательно-планомерная (или, как он её часто называет, «всеорганизационная») перспектива, нашедшая отражение в медицинской практике самого Богданова, полагает использование стихийных методов организации природы в отношении её носителей.

Подобный организационный универсализм представляет собой момент соприкосновения стихийного единства организационных методов природы с сознательно-планомерными усилиями человека, то есть момент совпадения данного и преобразованного. Отсутствие такого совпадения было проиллюстрировано Богдановым на работе капиталистического общества, представляющего собой стихийное единство, регулирующее многообразие форм производства. Как он полагал, подобное регулирующее единство купирует всякую возможность универсалистских амбиций по планомерному изменению природы. Такая мысль непрестанно поддерживается многими прометеистами, полагающими, что современный капитализм блокирует любую возможность конструктивного видения будущего, тем самым всё больше втаптывая человека в трясину стихийной данности. Задача по воспроизводству такого совпадения находится также и в плоскости социально-экономической. Так, пролетарская наука (включающая в себя множество исследовательских проектов), разработкой которой занимались многие отечественные учёные и философы 20-х годов, представляла собой результат открытой пролиферации знаний и техники, пролиферации, не укладывающейся в логику капиталистических отношений. Богданов много писал, что «всеорганизационная» или пролетарская точка зрения остаётся скованной отношениями собственности, поэтому сознательно-планомерные решения (наподобие коллективного омоложения) становятся либо ограничены, либо попросту невозможны. Как верно замечают Стивен и Хилари Роуз, капитализм, при всём его научно-техническом развитии, ориентирован на распределение идентичностей (чего стоят одни обещания проекта «Человеческий Геном»), а не на открытую пролиферацию знаний и техники [14].

В результате мы провели работу по выявлению прометеистского ядра в творчестве Александра Богданова. Для предельного понимания того, что представляет собой человеческая практика (познание и труд), Богданов полагает (а) совпадение данного и преобразуемого, то есть стихийного единства организационных

методов природы и их конструктивного использования; (б) совпадение трансцендентального и эмпирического, то есть субъективных форм мышления и объективного содержания опыта; (в) отрицание всякой человеческой природы, полагаемой в субстанционалистском ключе; (г) необходимость решения локальных проблем с помощью универалистских решений.

Стоит отметить, что подобная прометеанистская ориентация Богданова всё же имела своим условием уникальный идеологический климат и теоретический инструментарий. Во-первых, если современный прометеанизм в большей степени затребован экологической повесткой (достаточно вспомнить работы Джона Драйзека), то богдановский отправлялся от социально-политического заказа. Во-вторых, современный прометеанизм (в лице, к примеру, Рэя Брассье и Резы Негарестани) своим главным теоретическим ресурсом избрал когнитивистику, в то время как Богданов был инспирирован возможностями экспериментальной медицины и биологии. Данные различия имеют большое значение в перспективе осмысления особых для каждого прометеанистского проекта последствий, но мы всё же оставляем открытой такую исследовательскую возможность для других работ в области истории философии.

Список источников

1. **Богданов А. А.** Новый мир // Богданов А. Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 28-89.
2. **Богданов А. А.** Тектология (всеобщая организационная наука): в 2-х кн. / отв. ред. Л. И. Абалкин; отд. экономики АН СССР. М.: Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с.
3. **Богданов А. А.** Тектология (всеобщая организационная наука): в 2-х кн. / отв. ред. Л. И. Абалкин; отд. экономики АН СССР. М.: Экономика, 1989. Кн. 2. 351 с.
4. **Богданов А. А.** Эмпириомонизм: статьи по философии / послесловия В. Н. Садовского, А. Л. Андреева и М. А. Маслина. М.: Книговек, 2014. 544 с.
5. **Ленин В. И.** Материализм и эмпириокритицизм. М.: Изд-во полит. литературы, 1984. 400 с.
6. **Мейясу К.** Вычитание и сокращение: Делёз, Имманенция, и Материя и Память / пер. с англ. А. Г. Понятова. СПб.: Студенческое философское общество, 2012. 35 с.
7. **Рыбас А. Е.** Александр Богданов: пролегомены к философии эмпириомонизма // Вече: альманах русской философии и культуры. 2009. № 20. С. 59-159.
8. **Фуко М.** Что такое просвещение? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999. № 2. С. 132-149.
9. **Шавиро С.** Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика / пер. с англ. О. С. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 210 с.
10. **Brassier R.** Prometheanism and Its Critics // Accelerate: The Accelerationist Reader / ed. by R. Mackay, A. Avanesian. Padstow: Urbanomic, 2014. P. 467-487.
11. **Chohonadskih M.** The Stofflichkeit of the Universe: Alexander Bogdanov and the Soviet Avant-Garde [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-flux.com/journal/88/174279/the-stofflichkeit-of-the-universe-alexander-bogdanov-and-the-soviet-avant-garde> (дата обращения: 01.07.2019).
12. **Gare A.** Aleksandr Bogdanov and Systems Theory // Democracy & Nature. 2000. Vol. 6. № 3. P. 341-359.
13. **Krementsov N.** A Martian Stranded on Earth: Alexander Bogdanov, Blood Transfusions, and Proletarian Science. Chicago: The University of Chicago Press, 2011. 175 p.
14. **Rose H., Rose S.** Genes, Cells, and Brains: The Promethean Promises of the New Biology. L.: Verso, 2012. 336 p.
15. **Wark M.** Molecular Red: Theory for the Anthropocene. L.: Verso, 2015. 304 p.

PROMETHEANISM AND ALEXANDER BOGDANOV'S PHILOSOPHY

Saimiddinov Alisher Kakhramonovich

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

AlexSaimid@gmail.com

The article considers Prometheanistic aspect in the creative work of the Russian revolutionary Alexander Bogdanov. To achieve this research objective, the author chooses a selected reading method applied by Quentin Meillassoux in relation to Gilles Deleuze's works and a fabulation method introduced by Stephen Shaviro to examine Whitehead's philosophy. The analysis has revealed similarities between philosophical provisions of Prometheanism and Alexander Bogdanov's conceptions clarifying the nature of human experience. Analysing Bogdanov's texts, the researcher reveals ontological coincidence between a fact of life and transformation, identifies epistemological coincidence of transcendental and empirical, clarifies political coincidence of local and universal, emphasizes the radical denial of substantialism when it comes to interpreting a human being.

Key words and phrases: Marx; Prometheanism; tectology; experience; universalism; nature; knowledge.